

ЗАПАД И ВОСТОК: ВЛАСТЬ (НЕ)ЗНАНИЯ И ПРАВО «ГОВОРИТЬ ЗА ЧУЖОГО»

А.В. Корневский, Д.В. Сень

*Весь Восток до края – божий!
Запад весь до края – тоже!*
[Гете, 1988, с. 547]

Аннотация. Редакционная статья посвящена истории возникновения и эволюции концепций, в основе которых лежит дихотомия «Восток-Запад». Внимание авторов сфокусировано на творческом наследии европейских интеллектуалов, содействовавших конструированию образов Востока как «Другого». Особый акцент сделан на творчестве И.В. Гете и в первую очередь – на его поэтическом цикле «Западно-восточный диван», который можно рассматривать и как следствие расширения знаний европейцев о Востоке, и как одну из причин роста интереса к нему, что, в свою очередь, оказало влияние на генезис романтизма. Новая культурная самоидентификация Европы породила потребность в соотношении с «Другим», на роль которого идеально подходил Восток. В статье рассматривается культурный опыт немецких интеллектуалов, включая востоковедов, существенно повлиявший на творчество И.В. Гете и его отношение к Востоку. «Западно-восточный диван» Гете оценивается нами не только как способ ориентализации Востока, но и как результат ценностного отношения к чужой культуре, стремления к осмыслению и освоению ее достижений. В статье проанализированы и другие трактовки дихотомии «Запад-Восток», которые имели западное происхождение, включая теоретические построения О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтона. В статье также исследованы некоторые иные концепции Востока, в т.ч. – восходящие к трудам Э.В. Саида, в первую очередь – его книге «Ориентализм». Оценивается современный эвристический потенциал данного концепта, а также сегодняшняя научная дискуссия о соотношении ориентализма и ориенталистики.

Ключевые слова: дихотомия «Восток-Запад», Гете, востоковедение, ориентализм, вестернизация, «Другой».

Корневский Андрей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, koren@sfedu.ru.

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, dvsen@sfedu.ru.

WEST AND EAST: THE POWER OF (NON)ACQUAINTANCE AND THE RIGHT “TO SPEAK FOR ALIEN”

A.V. Korenevskiy, D.V. Sen’

Abstract. The editorial article is devoted to the history of the genesis and evolution of concepts based on the East-West dichotomy. The attention of the authors is focused on the legacy of European intellectuals, who contributed to the construction of the images of the East as the Other. A special emphasis is laid on the creative work of I.W. Goethe and, first of all, on his poetic cycle “West-East Divan”, which can be viewed both as a consequence of the Europeans’ increased knowledge of the East, and as one of the reasons for the growing interest in it, which, in turn, influenced the genesis of Romanticism. The new European cultural self-identification gave rise to the need to be correlated with the Other, and the East was eminently suitable for the role. The article examines the cultural experience of German intellectuals, including orientalists, which significantly influenced Goethe’s oeuvre and his attitude towards the East. We consider Goethe’s “West-East Divan” not only as a way of orientalizing the East, but also as an outcome of value-based attitude toward a foreign culture, a desire to comprehend and acquire its achievements. The article also analyzes other Western interpretations of the West-East dichotomy, including the theoretical patterns by O. Spengler, A.J. Toynbee and S. Huntington. The article also explored some other concepts of the East, including the ideas based on the E.W. Said’s works, first – his book “Orientalism”. In addition, authors analyze contemporary heuristic potential of this concept, as well as today’s academic discussion on the relationship of Orientalism and Oriental studies.

Keywords: the East-West dichotomy, Goethe, Oriental studies, Orientalism, westernization, Other.

Korenevskiy Andrey V., Candidate of Science (History), Associate Professor, the Head of Department of Russian Medieval and Modern History at Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, koren@sfedu.ru.

Sen’ Dmitry V., Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, dvsen@sfedu.ru.

Следуя устоявшейся традиции нашего журнала, для артикуляции темы номера мы прибегаем к литературной аллюзии, каковой на сей раз стало название одного из величайших поэтических творений И.В. Гете. В истории сосуществования и их взаимного (не)узнавания себя в «Другом» двух миров, условно именуемых «Западом» и «Востоком», этому произведению, равно как и породившей его эпохе, принадлежит особое место.

Восемнадцатое столетие было отмечено небывалым всплеском интереса европейцев к Востоку, в котором стали видеть не только деспотизм и варварство, но и другую культуру. Не последнюю роль в этой метаморфозе, как верно заметила В.В. Иванова, сыграла секуляризация общественного сознания: «Идейный кризис Европы, отказавшейся от христианской картины мироустройства, вылился в поиски нового смысла жизни, новой эстетики и новых горизонтов, и на помощь пришел древний, мудрый, пантеистический, нереальный Восток, ведущий к духовному обновлению» [Иванова, 2009, с. 17]. Уже начало века отмечено таким, по выражению Х.Л. Борхеса, «блистательным вторжением Востока», как перевод в 1704 г. Жаном Антуаном Галланом «Тысячи и одной ночи». Именно он утвердил литературный канон этого сказочного компендиума, который не был нарушен ни одним из последующих переводчиков, даже из числа принципиальных оппонентов Галлана. «Его ориентализм, сегодня кажущийся нам плоским, – писал Борхес, – воспламенил множество любителей табака и сочинителей пятиактных трагедий» [Борхес, 1992, с. 120]. Но, пожалуй, самую благодарную аудиторию Галлан нашел в немецких землях, куда к рубежу XVIII–XIX вв. постепенно перемещается центр европейской ориенталистики. Огромный вклад в востоковедение и немецкую литературу внесли Георг Форстер, Фридрих фон Диц, Йозеф фон Хаммер-Пургшталь, а позже – ученик последнего, Фридрих Рюккерт, отец одного из пионеров теории локальных цивилизаций.

Однако если возникновение ориенталистики в Австрии еще может быть объяснено балканским направлением ее внешней политики, то в Саксонии, Пруссии и других немецких землях не могло быть столь явной прагматической мотивации знания о Востоке. Совершенно очевидно, что немецкая «востокомания» на исходе Века Просвещения, в которой уже отчетливо просматриваются проблески романтизма, была *par excellence* возвышенно-спиритуальной. Это была именно зачарованность магией неведомых стран, столь ярко проявившаяся в сказках К.Ф. Вилланда и Э.Т.А. Гофмана, а позже – В. Гауфа.

При этом в специфически-немецком видении Востока бросается в глаза одна особенность, в полной мере проявившаяся уже на излете эпохи, в творчестве Гете. Если у французских энциклопедистов ориенталистские сюжеты – это, прежде всего, экзотика, сдобренная изрядной долей европейского культурного высокомерия и галльской язвительности, без малейшей готовности понять и принять хоть малую толику чужого опыта, то у немцев мы видим совершенно иное отношение к Востоку.

Виной ли тому была политическая раздробленность Германии и ее экономическое отставание от западных соседей или географическое положение – ближе к центру Европы, а не на ее западном фланге? Но то, что у Германии был «свой» Запад – более преуспевшие в «искусствах войны и мира» Англия, Франция, Голландия – побуждало, видимо, немцев смотреть на Восток иначе по сравнению с их западными соседями. Именно здесь мы, пожалуй, впервые в Европе Нового времени видим не взгляд *с запада на восток*, как это было свойственно Вольтеру, Дидро или Гельвецию, а попытку окинуть умственным взором обе стороны горизонта, помыслить себя и свою страну местом встречи Востока и Запада.

Немецкое восприятие Востока на исходе Века Просвещения и в предчувствии романтизма – это именно его *освоение*, включение в свой культурный опыт и обиход. Тому пример – Пильниц, элегантный дворец саксонского курфюрста и польского короля Августа Сильного, построенный в «китайском стиле», хотя к аутентичной культуре Поднебесной это творение имеет такое же отношение, как «Турецкий марш» или «Похищение из серала» Моцарта – к Османской империи. Но именно «Западно-восточный диван» можно считать апогеем немецкой пред-романтической влюбленности в Восток. Гете в своем поэтическом цикле не просто стремится к синтезу восточных и западных традиций: он словно намерен максимально вобрать в себя духовный опыт иной культуры – вплоть до отождествления себя с Хафизом, стихи которого, переведенные Й. фон Хаммер-Пургшталем, вдохновили Гете на создание своего шедевра.

Пускай я весь – твое лишь отраженье,
В твой ритм и строй хочу всецело влиться,
Постигнуть суть и дать ей выраженье,
А звуки – ни один не повторится,
Иль суть иную даст их сопряженье,
Как у тебя, кем сам Аллах гордится.
[Гете, 1988, с. 24]

Более того, «Западно-восточный диван» становится зеркалом самых глубоких и сокровенных переживаний поэта. В «Книге Зулейки» нашли отражение перипетии последней влюбленности Гете: ее главная героиня – поэтическое отражение музы поэта Марианны фон Виллемер, а ее возлюбленный Хатем – сам Гете, переживающий пору своего «временного омоложения» и «повторной возмужалости», «когда поэту было даровано вдохновенное и вдохновляющее прикосновение к молодости» [Конради, 1987, с. 437].

Столь искреннее преклонение перед иной культурой и глубокое погружение в нее, отнюдь не типичное не только для времени Гете, но и для более поздних эпох, породило множество спекуляций на тему «тайного мусульманства» великого немецкого поэта [Конурбаев, 2000; Ишамбаева, 2006; Аюпова, 2014, с. 622]. Но вряд ли подобные теории имеют достаточные основания. Ведь в круг его увлечений входил не только ислам. Гете интересовался иудаизмом и переводил «Песнь песней»;

восхищался древнеиндийским драматургом Калидасой и позаимствовал из его пьесы «Сакунтала» идею «Театрального пролога» для «Фауста»; наконец, через семь лет после публикации «Дивана» он завершил работу над «Китайско-немецкими временами года и дня». Но значит ли это, что такое, свойственное поэту, «очень личное претворение чужой литературы» [Конради, 1987, с. 617] дает основания подозревать его в тайном иудаизме, индуизме, конфуцианстве?

Скорее, можно согласиться с Конради, что речь идет именно об уникальной отзвучивости поэта на чужие, в том числе порожденные иной культурой, идеи и мысли: «Всюду, где Гете замечал благоговение перед непостижимым, можно было рассчитывать на его сочувствие» [Конради, 1987, с. 542]. И эта черта великого поэта служила вдохновляющим примером для всех, кто стремился в своем восприятии истории и культуры выйти за узкие рамки европоцентризма.

Поэтому совершенно неслучаен глубочайший пиетет, с каким относился к Гете Освальд Шпенглер – автор одной из самых дерзких и провокативных концепций, направленных против линейного европоцентрического моделирования истории. Едва ли О. Шпенглер ссылался в своем труде на кого-либо чаще, чем на Гете – ему уступает даже Ницше, второй из тех мыслителей, кому Шпенглер был, по собственному признанию, «обязан почти всем» [Шпенглер, 1998, с. 126]. И тем не менее, несмотря на столь восторженные отзывы, Шпенглер отнюдь не был продолжателем Гете в отношении того, что составляет художественную и мировоззренческую квинтэссенцию «Западно-восточного дивана» – в стремлении к преодолению границ и барьеров между этими мирами.

В «Закате Европы» много и страстно написано о нелепости «невероятно скудной и бессмысленной» [Шпенглер, 1998, с. 144] схемы *Древний мир – Средние века – Новое время*, загоняющей в прокрустово ложе европейской истории весь остальной мир. Да и само слово «Европа» О. Шпенглер готов был признать «губительным предрассудком географии» и призывал «вычеркнуть его из истории» [Шпенглер, 1998, с. 145]. Но внутренний посыл этого пафоса прямо противоположен идеям Гете. В отличие от него, Шпенглер выступает не против барьеров между Востоком и Западом, а против отождествления границ географических и культурных: «Восток и Запад суть понятия, исполненные подлинного исторического содержания. “Европа” – пустой звук». И демаркация между этими мирами проходит не к востоку от континента, а в его географических пределах: «Одно только слово “Европа”, – пишет О. Шпенглер, – с возникшим под его влиянием комплексом представлений связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство» [Шпенглер, 1998, с. 145].

И столь же категоричен О. Шпенглер в отношении Греции: он готов допустить, что во времена Перикла она «находилась в Европе», но современная ему Греция «там уже не находится» [Шпенглер, 1998, с. 145]. Принципиально важным моментом концепции О. Шпенглера является отрицание синтеза между разными культурами не только в исторической реальности, но и в потенции: история в его

понимании – не единый процесс, а «внешнее суммирование определенного числа единичных проявлений» [Шпенглер, 1998, с. 150], «человечество» – не более чем «зоологическое понятие или пустое слово», а каждая культура имеет «*собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, волнения, чувствования, собственную смерть*» [Шпенглер, 1998, с. 151]. Более того: то, что в истории может быть принято за культурный синтез, это, с точки зрения Шпенглера, «псевдоморфоз» – тупиковый путь эволюции «сбитых с курса» культур, «случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [Шпенглер, 1998а, с. 193]. Примерами такого «псевдоморфоза» Шпенглер считал арабскую и русскую культуры: одна была «сбита с курса» Византией, другая – европейской культурой, которую ей «навязал» Петр I.

Как видим, шпенглеровская концепция, фактически постулирующая несовместимость и взаимную отчужденность Востока и Запада, не имеет ничего общего с идеями Гете. При этом она оказывается в равной мере созвучной как западной ксенофобии в самых разных ее проявлениях, так прямо противоположным воззрениям антизападного толка. В частности, сегодня уже мало кем оспаривается генетическое родство «Заката Европы» – даже в деталях, вплоть до использования сходных «биологических» метафор – с «Россией и Европой» Н.Я. Данилевского [Пивоваров, 1992, с. 166].

В то же самое время именно в отношении «западно-восточного синтеза» решительным оппонентом Шпенглера оказывается мыслитель, которого традиционно и совершенно несправедливо принято считать «шпенглерянцем». Речь идет об авторе одной из самых масштабных цивилизационных теорий, британском историке и философе Арнольде Джозефе Тойнби.

Всю свою жизнь А.Дж. Тойнби доказывал, что у его теории больше черт отличий от «Заката Европы», чем сходства. По собственному признанию Тойнби, знакомство с книгой О. Шпенглера в 1920 г. потрясло его, т.к. в ней молодой историк нашел идеи, созвучные тем, которые сам давно вынашивал. Но в то же самое время Шпенглер шокировал его своим догматизмом и жестким детерминизмом. В противовес автору «Заката Европы» Тойнби попытался предложить такое видение исторического бытия цивилизаций, в котором человек предстал бы творцом своей судьбы, а не игрушкой слепых непреложных законов, фатально приговаривающих каждое общество к упадку и гибели «в точном соответствии с определенным устойчивым графиком» [Тойнби, 1995, с. 24]. Эту мысль, диаметрально противоположную воззрениям О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби облек в концепцию «двухтактного» движения истории по принципу «вызов-ответ»: история любой цивилизации начинается в тот момент, когда людям удастся дать адекватный отклик на вызов, брошенный внешней средой, и поступательное движение общества будет продолжаться до тех пор, пока не иссякнет творческая энергия, порождающая такие ответы. При этом

глубоко символично, что, обосновывая такое видение истории, А.Дж. Тойнби, как и О. Шпенглер, ищет вдохновение у Гете: олицетворением личности, принимающей вызов судьбы и сопряженные с этим испытания он считает Фауста [Тоунбее, 1974, р. 60, 64–65]. Обширными выдержками из этой поэмы Гете также иллюстрирует процесс распада цивилизаций [Тоунбее, 1974, р. 556]; ссылками на «Кампанию во Франции 1792 г.» – суждения о роли войны в их «надломе» [Тоунбее, 1948, р. 151], цитатами из «Поэзии и правды» – размышления об историческом значении путешествий [Тоунбее, 1948, р. 151].

Концепция «вызова-ответа», лежащая в основании историософии А.Дж. Тойнби, является также ключом к его пониманию проблемы «Восток-Запад». С точки зрения Тойнби, тот факт, что большая часть цивилизаций (преимущественно «восточных») либо уже погибла, либо обнаруживает явные симптомы деградации, не означает фатальной обреченности человечества, а его разобщенность – это, по мнению Тойнби, тенденция, обнаруживаемая лишь при поверхностном взгляде на историю, тогда как глубинной ее сутью является межцивилизационное взаимодействие. При этом, отнюдь не являясь апологетом Запада, признавая, что по отношению к остальной части мира он всегда был и остается «архиагрессором», А.Дж. Тойнби считал, что именно Западная цивилизация сыграла в данном процессе ключевую роль. Именно по этой причине «вестернизация» – путь, который остальной части человечества неизбежно придется пройти, отвечая на вызов военного и экономического превосходства Запада. Этот ответ может быть двояким: либо «геродианство» – осознанное и добровольное усвоение ценностей Западной цивилизации, либо «зелотство» – сопротивление, которое в итоге все равно оборачивается вестернизацией, поскольку, сопротивляясь экспансии Запада, «не-западное» общество вынуждено заимствовать те достижения врага, которые являются источником его силы.

Однако А.Дж. Тойнби вовсе не считал, что отношения по оси Запад – Восток имеют однонаправленный характер. Уже в первых томах своего *opus magnum* «Постижение истории» Тойнби говорит не только о воздействии Запада на остальной мир, но и высказывает мысль о возможности обратного влияния, наиболее полно воплощенную в сюжетах, посвященных русской истории. Собственно, именно в этом контексте и сформировалась тойнбианская концепция вестернизации. История России поставила мыслителя в тупик своей парадоксальностью и заставила искать выход за пределы устоявшейся схемы членения истории, каждый раз по-новому определяя место России между Востоком и Западом. Если в своих ранних работах он однозначно включал ее в европейское культурное пространство, считая необратимыми результаты Петровских преобразований, то после 1917 г., а в еще большей степени – после своего личного знакомства с советской действительностью в январе 1930 г., А.Дж. Тойнби пришел к выводу, что Петровская вестернизация отнюдь не была окончательной, и большевистский переворот можно рассматривать в качестве реакции исконно не-западной, «византийской» природы России. Впрочем, и окончательно отмежевать ее от Запада

Тойнби также не решался. В образе Ленина как олицетворения этой новой эпохи он видел второго после Петра «русского Антихриста» – одновременно и продолжателя, и ниспровергателя наследия царя-реформатора. В немислимых зигзагах русской истории XVIII–XX веков он увидел диалектическую взаимообусловленность «геродианских» (прозападных) и «зелотских» (антизападных) импульсов творческой элиты вестернизируемых обществ и описал данное явление, как двухтактный ритм «Ухода-и-Возврата»: «В русском коммунистическом движении из-под маски западничества проступает «зелотская» попытка сорвать политику вестернизации, которая за два века до Ленина была навязана России Петром Великим; и в то же самое время видно, как этот маскарад вольно или невольно превращается в искреннее убеждение». Однако запоздалое включение России в Западное сообщество неминуемо приговаривает к вторым ролям, с чем русская гордость смириться не может. И тогда, ведомая большевиками, она совершает тактическое отступление от прежнего курса: «Россия, смирившись со своим включением в Великое сообщество, пытается в то же время на какой-то срок порвать со средой, в которую оказалась втянутой помимо собственной воли, и она делает этот шаг из стремления сыграть в будущем роль творческого меньшинства, которое найдет решение насущных проблем Великого Сообщества» [Toynbee, 1934, p. 364–365].

В дальнейшем, вплоть до последних лет жизни, А. Дж. Тойнби неоднократно возвращался к проблеме места России в цивилизационном взаимодействии Востока и Запада. В послевоенные годы его взгляд стал более пессимистическим, однако в двенадцатом, завершающем томе своей саги о цивилизациях он вновь вернулся к идее неизбежности и благотворности для всего человечества культурного синтеза. И выраженная в этом контексте надежда на грядущее слияние Востока и Запада в единое общечеловеческое «экуменическое сообщество» звучит очень «по-гетевски».

Катаклизмы конца XX столетия, столь явно противоречившие мечтам Тойнби, сделали его теорию «немодной» [Уколова, 1995, с. 5], поставив во главу угла концепцию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В ней отчасти возрождается шпенглеровская идея несовместимости и взаимной отчужденности Запада и Востока, в частности – ставится под сомнение правомерность отождествления модернизации и вестернизации. Подобная иллюзия, по мнению Хантингтона, может возникнуть лишь на начальной стадии модернизационных процессов, тогда как в дальнейшем поверхностно вестернизированные сообщества, наоборот, еще больше отдаляются от Запада, происходит их «индигенизация» [Хантингтон, 2007, с. 132–133].

События последних десятилетий как будто подтверждают пророчества гарвардского профессора, однако будем помнить, что история, говоря словами Н. Г. Чернышевского, «не тротуар Невского проспекта», и почти ни один из прогнозов, изрекавшихся в XX в., не сбывался в полной мере.

Все поименованные выше трактовки дихотомии «Запад-Восток» имеют западное происхождение. Даже концепции русских мыслителей, в той или иной мере противопоставивших Россию Западу, тем не менее, во-первых, встроены в западную философскую традицию, а во-вторых, все-таки никоим образом не отождествляют ее с Востоком. В этой связи особое значение приобретает концепция, выстроенная в совершенно ином ракурсе и под прямо противоположным углом зрения. Мы имеем в виду книгу «Ориентализм» американского мыслителя палестинского происхождения Эдварда Саида, увидевшую свет в 1978 году. По степени своего воздействия на западных и российских интеллектуалов этот текст – в сумме с рядом статей, написанных Э. Саидом позднее – вполне сопоставим с теориями Шпенглера, Тойнби и Хантингтона, но в отличие от них ее автор говорит не от лица Запада или России, а наоборот, от имени Востока обращается к Западу, частью которого, с восточной точки зрения, мыслится и Россия. И, право же, трудно не увидеть некоего символизма в том обстоятельстве, что подобно своим предшественникам Саид временами ссылается на Гете, отмечая его заслуги в «реструктурировании» западного восприятия Востока.

Ориентализм Гете рассматривается Э. Саидом в пространстве одноименного литературного жанра, как выражение «коллективных грез Европы о Востоке» [Саид, 2006, с. 33]. Говоря другими словами, Э. Саид соотносит художественное творчество И.В. Гете и других европейских литераторов с т.н. «имагинативными практиками», повлиявшими на *ориентализацию* Европой Востока.

Европейские концепции Востока, часто объединяемые понятием «ориентализм», характеризовались Э. Саидом как «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [Саид, 2006, с. 10]. В своем классическом труде Э. Саид обронил фразу о том, что русские, наряду с французами, англичанами и некоторыми другими народами, имеют давнюю традицию того, что он именовал ориентализмом [Саид, 2006, с. 6]. Однако, как справедливо заметил С.А. Панарин, внимание автора преимущественно обращено к арабским странам Ближнего Востока, тогда как основной по населению массив «Востока» остался за бортом «Ориентализма», а Запад был сужен до Англии, Франции и США [Панарин, 2015, с. 86]. Не меньшему «сужению» со стороны Э. Саида оказалась подвержена и хронология тех процессов, которые привели в итоге к становлению ориентализма.

Российского читателя не может не огорчать также и то обстоятельство, что, мимоходом упомянув о «немецком и русском ориентализме», Саид не счел нужным развивать эту тему. С другой стороны, коль скоро имеется давняя традиция отнесения Европой России к Востоку, закономерен вопрос: насколько российский исторический материал вписывается в пространство саидовской концепции «Востока»? Говоря другими словами, насколько универсальный характер носит концепция Э. Саида? Каковы культурные и, без сомнения, политические истоки ориентализации европейскими интеллектуалами России? Относилась ли просвещенная Европа к России, как к «Востоку»? В какой момент Россия

осознала деление своей территории на «Европу» и на «Азию» (т.е. «Восток»)? Можно ли говорить о том, что российские концепции Востока, созданные в связи с расширением «национальных» границ Российской империи, отражали исключительно имперские представления о доминировании? Наконец, развиваются ли сегодня концепции ориентализма, безусловно, несводимые к построениям Э. Саида?

Отметим, что концепция ориентализма Э. Саида и сегодня активно обсуждается, хотя, как считает Л.Б. Алаев [Алаев, 2016], в России его книга не имела особого успеха. Наиболее жесткую критику указанной книге высказали российские востоковеды. Правда, некоторые эксперты предупреждают о возможном использовании антизападного пафоса саидовского «ориентализма» в политических целях – учитывая сегодняшние взаимоотношения России и США [Панарин, 2015, с. 82]. Примечательно, что уже первое издание книги Э. Саида на русском языке 2006 г. вызвало определенный резонанс среди людей с весьма специфическими взглядами, нашедшими свое отражение в послесловии К.А. Крылова к данному изданию [Панарин, 2015, с. 81]. Следствием этой тенденции, как справедливо отмечает С.А. Панарин, стало и появление в учебных планах некоторых российских вузов откровенно апологетических курсов по ориентализму. Кроме того, стоит согласиться со словами и о том, что Э. Саид стал «священной коровой» для тех российских ученых, чье вхождение в академическое пространство пришлось на 2000-е гг. [Панарин, 2015, с. 81].

В известном смысле это напоминает ситуацию с обсуждением концепции Ф.Д. Тернера о фронтире в американской истории. Указанная концепция относительно недавно стала достоянием российского научного сообщества, вызвав шквал обсуждений и полярные оценки ее эвристического потенциала по отношению к истории России. Между тем, появились новые концепции фронта, осуществившие ревизию тернеровского тезиса о столкновении «варварства и цивилизации» [Рибер, 2004]. Так, в 2010 г. состоялась крупная международная конференция «Ориентализм/Оксидентализм: языки культур и языки их описания» (г. Москва, 23–25 сентября 2010 г.), материалы которой были изданы [Штейнер, 2011; Ориентализм/Оксидентализм, 2012]. Несмотря на высокий «градус» общей полемики по отношению к концепции Э. Саида, можно отметить, что она послужила основанием для создания новых моделей описания «Другого». При этом ключевыми остаются вопросы о том, как репрезентация Востока глазами Запада отражала реализацию им т.н. «права говорить за чужого», о том, можно ли считать Восток постоянным alter ego Запада, с которым тот сверяет свои достижения и неудачи и с которым постоянно конкурирует [Говорунов, Кузьменко, 2014].

Важнее другое – дискуссии о соотношении ориентализма и ориенталистики, об универсальности концепции Э. Саида, о (не)возможности ее применения и верификации на примере российской истории до 1917 г. продолжаются и сегодня,

не теряя своей актуальности [Orientalism and Empire, 2016; Российская империя, 2005; Orientalism, 2013; Ориентализм vs. Ориенталистика, 2016]. Так, представители «Новой имперской истории», объединенные вокруг известного журнала «Ab Imperio», и некоторые другие ученые, анализируют расширение и освоение Россией своего имперского пространства, опираясь на концепт «внутреннего колониализма» или «внутренней колонизации» [Эткинд, 2001; Эткинд, 2002; Там, внутри, 2012]. В. Тольц, представляющая иную академическую позицию [Тольц, 2013], проявила определенную осторожность в вопросе по вопросу сравнения российского случая с построениями Э. Саида, на что справедливо обратил внимание С.Н. Абашин [Абашин, 2014]. Более радикальную позицию в данном вопросе заняла Э. Томпсон [Томпсон Е.М.]. Конструируя свой ментальный (воображаемый) Восток, Российская империя ориентализировала многие территории, включая Сибирь и Кавказ. В ходе такого освоения своего Востока в России быстрыми темпами происходило активное формирование (определение) своих «чужих» – с помощью разных способов и языков описания людей и пространства. Однако такой процесс имел и обратную направленность, другие формы выражения: накопление исторического и художественного знания о Кавказе, взаимопроникновение культур (что породило, например, такое культурное явление, как «настоящий кавказец»). Ориентализация Кавказа М.Ю. Лермонтовым сыграла заметную роль не только в истории русской литературы. Благодаря поэту, «в русской литературной полемике 1840-х гг. оформляется культурная антитеза Запад-Россия» [Захаров, 2015, с. 66]. Показательно, что значительная часть художественной ориенталистики оказалась «вытеснена» из русской литературы в процессе формирования нового литературного канона – или не была опознана в качестве ориенталистской литературы; так случилось с «Героем нашего времени»: «Канон формировали критики от Белинского до Страхова, а отношения между Западом и Востоком имели существенно меньшее значение для русской критики и публицистики, чем отношения между государством и народом». В целом можно говорить о том, что явление русского (российского) ориентализма [Найт, 2005] представляет собой заметное место в истории этого явления, и что российский случай дает серьезные основания сомневаться в универсальности концепции Э. Саида. Об этом свидетельствуют, помимо прочего, обилие примеров т.н. *восточного вестернализма* (по терминологии С.А. Панарина) в случае с российским опытом создания и освоения своего Востока. Это как раз то, что Э. Саид упорно обходил стороной в своей книге. Далее, российский случай убедительно, по мнению А. Эткинда, свидетельствует о том, что Россия в разных ее частях, периодах и лицах бывала как субъектом, так и объектом ориентализма [Эткинд, 2003]. И если «изобретение Саидом ориентализма означает выдвигание унифицированной теории, корпуса знаний, академическую структуру, объединенную с создателями империи» [Вариско, 2016, с. 414], то пространство российского ориентализма свидетельствует о разнообразном отношении российских администраторов, ученых к восточным подданным империи, несводимом к закреплению над ними имперского господства и проведения насильственной культурной русификации.

В связи с этим нам хотелось бы более детально рассмотреть перипетии полемики о применимости понятия «ориентализм» при изучении истории Российского государства. Дискуссия по этому вопросу развернулась между Натаниэлем Найтом и Адибом Халидом. Н. Найт скептически, а А. Халид оптимистически оценивали эту концепцию [Халид, 2005, с. 320–321], причем Н. Найт сформулировал пять принципов, как он считал, позволяющих гибче и продуктивнее анализировать российское восприятие Азии (Востока). Оттолкнемся и мы от этих пяти постулатов, как от некой отправной точки, чтобы выразить наше мнение об эвристическом потенциале ориентализма как методологии [Найт, 2005, с. 334–340].

Как указывал Н. Найт, сам ориенталистский дискурс изменчив, и восприятие Востока в Эпоху Просвещения отличалось от видения того же Востока в конце XIX в. Рассматривая исторически более широкий контекст, можем сказать, что Владимирская Русь-Московия-Россия постоянно с периода включения в улус Джучи (возможно, и ранее, вспомним русско-половецкие контакты) оказывалась в двойственном амбивалентном положении, в поисках своей идентичности, оценивая и переоценивая себя, отождествляя то с Востоком, как частью Монгольской империи, в противовес «агрессии» католического Запада (столкновения с Тевтонским, Добринским и Ливонским орденами, позднее – с Ягеллонами), то с Западом, заключив, например, брачный союз с Палеологами. Противопоставление «Восток-Запад», где Русь – это «Восток», обусловленное «восточной схизмой» [Рансимен, 1998, с. 112–119] и закрепленное многолетним противостоянием с католическим Римом, породило идеологему собственной «правильности», «избранности», и эта оппозиция не только не была снята Флорентийской унией, но и укрепилась, сформировав концепцию «Москва – Третий Рим» [Успенский, 1996, с. 83–123]. Разными способами, с эпохи позднего средневековья, Европа конструирует образ России как Азии, как «не-Европы». А.И. Филюшкин отмечает, что «сущность своего, христианского мира европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов – прежде всего турок, а со второй половины XVI века и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII векам можно повторить мысль Л. Вульфа (которую он высказал применительно к Эпохе Просвещения), что, если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать» [Филюшкин, 2011, с. 36].

Разумеется, эта российская «восточность» не могла быть в полной мере де-завуирована даже петровской политикой, ориентированной на Европу и привнесшей «западные» стандарты в элитарную культуру, искусство, науку и право. Россия стала сочетать в себе черты и периферийного Востока, и периферийного Запада. Тем более что «собственный» Восток (после завоевания Казанского и Астраханского ханств и походов Ермака в Сибирь) у нее уже имелся к XVIII в. Более того, он стал осознаваться таковым в связи с рецепцией в России именно XVIII в. европейских представлений о делении мирового пространства на Европу и на Азию [Бассин, 2005, с. 282]. Экспансионистские имперские практики

на протяжении всего XVIII в. позволили России существенно продвинуться и на Восток, и на Запад, но такое распространение, как ни парадоксально, только усугубило ее периферийность, так как, приобретая все более и более «европейские» (западные) «манеры» в различных областях функционирования общества, одновременно присоединяя (колонизируя) новые сибирские и кавказские земли, Россия географически все дальше и дальше уходила от Европы и Запада. И если в конце XVIII – начале XIX в. Восток однозначно воспринимался как коллективный Другой (Чужой), то к концу XIX столетия, в связи с появлением т.н. восточнических взглядов, европейский ориенталистский дискурс не был единственной идеологией в общественной российской мысли. Славянофильство и панславизм маркировали антизападную позицию, в то же время оставаясь западной периферией. Восточничество Э.Э. Ухтомского и иже с ним артикулировали другой приоритетный вектор – Россия по своей ментальности больше восточная цивилизация, чем западная. Для функционирования ориентализма в России не было главного – европоцентризма! Долгое время всех европейцев из центральной и северной ее части в России называли немцами, то есть не-нашими, не-своими, не умеющими говорить, «немыми».

Став окраиной «Европы-Запада», Россия породила на протяжении XIX в. несколько собственных «востоков», для «внутреннего потребления», для формирования имперской идентичности, для осознания собственной исключительности – последнего оплота православия в противостоянии с мусульманской Турцией, поработительницей славян и угрозой для всей Европы. Такими внутренними «востоками» стали и Кавказ, и Средняя Азия, и Сибирь, и Забайкалье, Приамурье, Камчатка, Чукотка... Более того, в колониционных проектах некоторых российских деятелей фигурировали и Афганистан, и Монголия, и части Китая. Парадоксально, но расширение Российской империи даже на западном направлении не приблизило ее к Западу. Пытаясь преодолеть такую свою периферийность, имперские власти адаптировали элиту прибалтийских герцогств, сделав остзейских дворян российскими. Более того, если мы проанализируем этноконфессиональный состав офицерского корпуса или чиновничьего аппарата Российской империи с конца XVIII до начала XX вв., то увидим в этих структурах немцев, поляков, других акцептированных европейцев, и даже нескольких евреев! Немецкие колонисты приглашались как «культуртрегеры» для освоения новых земель Украины, Кавказа, Поволжья. Эстонские и чешские крестьяне основывали свои поселения на Кавказе. За ними признавалась высокая культура земледелия, которую, как считалось, необходимо привить «отсталым» русским крестьянам. В то же время лютеранство и католичество (тем более иудаизм) этих новых подданных императора, и даже их обращение в православие (что тоже не было редкостью), не делало уже упомянутых немцев, поляков, евреев и т.д. «своими» не только для ксенофобно настроенного крестьянства, но и для высших кругов имперской элиты, формирующей лояльность и российскую идентичность на уваровской триады «Православие-самодержавие-народность». Именно православию не позволяло включать многие группы имперских подданных русского

царя в «народность», то есть в создаваемую нацию. Все эти процессы вылились в еврейские (начиная с 1881 г.) и немецкие (в годы I Мировой войны) погромы, в выдавливание меннонитов, ссылку в Сибирь и на Кавказ «вечно» восстающих поляков, причисление евреев к «инородцам» [Слокум, 2005, с. 502–531] вместе с кавказскими горцами и кочевниками Сибири, закрытие армянских церковно-приходских школ, преследование греко-униатов и старообрядцев. Эти группы были «чужими» для имперской идеологии, пропаганды, проникавшей в широкие массы населения, маркировались или как «плохой/высокомерный Запад», или как «нецивилизованный/дикий Восток» – в зависимости от ситуации, контекста, конъюнктуры...

Колонизируя все новые и новые территории, Российские империя приносила туда проевропейские модели управления, юридические нормы, на бытовом уровне – прогрессивные сельскохозяйственные орудия труда, европейскую модную одежду и новые продукты, то есть включала эти земли и их население в Запад, хотя бы формально, номинально, знаково. В то же время коммуникационные модели на низовых уровнях приводили и к обратной ассимиляции: процессу, получившему название в историографии как «обынородчивание» [Сандерланд, 2005, с. 199–227], когда русские первопроходцы сталкиваясь с местным аборигенным населением, перенимали у них формы ведения хозяйства, заключали брачные союзы, переходили на местные языки. То есть империя продвигала на Восток западные культурные паттерны, а Восток обратным векторным процессом ассимилировал русское население, создавая новые слои общества. В итоге получился оригинальный сплав культурного и иного опыта воображения (создания) Востока на примере российского пространства: амбивалентное восприятие Востока самой Россией, позиционирующей себя как «не-Запад» наряду с ее же дистанцированием от Востока и ориентализацией своих, в т.ч. новых (новоприобретенных, новозавоеванных) территорий.

Возвращаясь к теме ориентализма и его фрагментарной представленности в книге Э. Саида, необходимо обратиться к другой монографии, в определенной мере заполняющей эти лакуны как раз в тех аспектах, которые важны для понимания места России в дихотомии «Запад-Восток». В 1999 г. вышло в свет исследование норвежского политолога Ивэра Нойманна *«Использование “Другого”: образы Востока в формировании европейских идентичностей»*. Еще до перевода на русский язык в 2004 г. [Нойманн, 2004] она вызвала бурную дискуссию среди отечественных политологов и антропологов, причем следует отметить, что в целом реакция на книгу Нойманна была значительно позитивнее, чем на «Ориентализм» Саида. Собственно, у Нойманна нет кардинальных расхождений с его предшественником в понимании сугубо утилитарного отношения Западного / европейского общества к Востоку как своего рода «сырью» для формирования собственной картины мира. Предлагаемые им сюжеты наглядно – даже, пожалуй, более убедительно – иллюстрируют тезис Саида о том, что Восток для Европы всегда был «не собеседником, а безмолвным Другим» [Said, 1995, p. 93].

Разница заключается в том, что в качестве объекта анализа автор избрал «других “Других”» – не исламский Ближний Восток, чья иноприродность Европе как бы очевидна не только в религиозном и культурном планах, но даже и географически. Нойманн сфокусировал внимание на тех «Других», которые являются для Европы «соседями по коммуналке» – обителями того же континента, уже хотя бы по этому критерию имеющих право претендовать на свою «европейскость». При этом главы о тех, чья принадлежность к Европе как минимум под вопросом – Турции, России, Башкортостане – соседствуют с сюжетами о регионах, бесспорно принадлежащих к данному сообществу, но по ряду причин как-то по-особенному этим озабоченных и стремящихся всячески артикулировать свое европейское первородство – Скандинавии и Центральной Европе.

Но, разумеется, особый интерес для нашего гуманитарного сообщества представляют главы книги И. Нойманна, посвященные России [Нойманн, 2004, с. 99–156, 214–238]. В восприятии Европой России как Другого автор выделяет две взаимосвязанные мифологемы, посредством которых осуществляется демаркация восточной культурной границы на «ментальной карте» континента: «варвар у ворот» и «вечный подмастерье». Можно согласиться автором предисловия и редактором перевода с А.И. Миллером, что комбинация этих двух – однозначно негативного и как бы позитивного – образов весьма точно характеризует диапазон европейских суждений о России, и большую часть соответствующих западных текстов нетрудно разложить на две указанные категории [Русский «Другой», 2005, с. 129]. Комментируя эту объяснительную схему, А.И. Миллер привел «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина в качестве примера обратной реакции на вторую мифологему: «Хорошо видно, как он (Карамзин – А.К., Д.С.) во время своего путешествия по Европе демонстрирует психологию человека, который готов с радостью признать себя подмастерьем, но таким подмастерьем, который уже женился на дочери мастера, заканчивает изготовление шедевра и завтра будет принят в цех. Что происходит, когда люди понимают, что на самом деле в цех их не принимают и не примут, и что не они определяют правила игры?» [Русский «Другой», 2005, с. 129].

Данный сюжет наглядно показывает, что ментальные границы между Западом и Востоком не только достаточно условны, но и подвижны, причем не только в пространстве, но и во времени. С другой стороны, это демонстрирует многоаспектность проблемы, которая в полной мере не может быть раскрыта в узких рамках водной статьи. Более того, мы сознательно не затрагивали ряд сюжетов именно потому, что часть их будет развернута в дискуссии номера, другие – в статьях тематического блока журнала. В заключение нашей обзорной статьи подчеркнем, что «самое лучшее, что мы можем сделать, – это приучить себя ценить сложность и избегать всеобъемлющих обобщенных схем, которые подчиняют различия отдельных людей и культур детерминирующей силе дискурса [Найт, 2005, с. 339]. В указанном смысле и стоит оценить концепцию ориентализма, структурообразующие и конкурирующие понятия которого (Запад и Восток)

могут только отчасти способствовать решению одной из магистральных проблем культуры постмодерна – проблемы понимания Другого и диалога с ним. Вероятно, одну из подсказок на этом непростом пути может нам предоставить сам И.В. Гете: «Orient und Occident sind nicht mehr zu trennen»/«Восток и Запад уж более неразделимы»!..

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абашин С.Н.* Востоковеды против ориентализма? // *Антропологический форум*. 2014. №20. С.343–351.
- Алаев Л.Б.* Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России? // *Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей /* отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: ООО «Садра», 2016. С.16–26.
- Аюпова Д.И.* Синтез Запада и Востока в «Западно-восточном диване» Гёте // *Молодой ученый*. 2014. № 7 (66). С. 621–622.
- Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии /* сост. П. Верт, П.С. Кобытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 273–388.
- Бобровников В.* Новая книга Веры Тольц: комментарий востоковеда // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 393–402.
- Борхес Х.Л.* Письмена Бога / Составление, вступ. статья и прим. И.М. Петровского. М.: Республика, 1992. 510 с.
- Вариско Д.М.* Восток против Запада, Азия против Европы: бинарность ориентализма и «столкновение цивилизаций» // *Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей /* отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: ООО «Садра», 2016. 440 с.
- Гете И.В.* Западно-восточный диван. М.: Художественная литература, 1988. 894 с.
- Говорунов А.В., Кузьменко О.П.* Ориентализм и право говорить за другого. 2014. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo> (дата обращения – 08 марта 2018 г.).
- Долбилов М.* О выгоде иметь «Свой собственный Восток» // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 374–384.
- Захаров В.А.* Российский ориентализм в интерпретации Лермонтова и Саида // *Философские науки*. 2015. № 3. С. 47–70.
- Иванова В.В.* Магический Восток – очарованный Запад: опыт историко-культурологического обзора // *Вестник СПбГУ Сер. 13*. 2009. Вып. 4. С.14–22.
- Ишимбаева Г.* Темы и образы Корана в «Западно-восточном диване» Гете // *Ватандаш*. 2006. № 8. URL: <http://vatandash.ru/index.php?article=288>. (дата обращения – 08 марта 2018 г.).

Конради К.О. Гете. Жизнь и творчество. Т. 2. Итог жизни / пер. с нем. / Общая редакция А. Гугнина. М.: Радуга, 1987. 648 с.

Конурбаев А.С. Мухаммад Иоганн Вольфганг Гете // *Мусульмане*. 2000. № 1 (4). URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/religion/360055/> (дата обращения – 08 марта 2018 г.).

Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // *Российская империя в зарубежной историографии* / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 324–344.

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Ориентализм/Оксидентализм: языки культур и языки их описания. Сб. статей. Сост. Е.С. Штейнер. М.: Совпадение, 2012. 416 с.

Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей / отв. редактор и составитель В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: ООО «Садра», 2016. 440 с.

Панарин С.А. Эдвард Саид: книга софизмов // *Историческая экспертиза*. 2015. № 2. С. 78–105.

Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // *Мир России*. 1992. Т. 1. № 1. С. 163–216.

Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия / пер. с англ. М.: Наука, 1998. 239 с.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // *Новая имперская история постсоветского пространства* / под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199–222.

Русский «Другой»: образ России как элемент европейской идентичности (Стенограмма дискуссии в фонде «Либеральная миссия» 23.10.2004) // *Этика образования*. Ведомости. Тюмень, 2005. Вып. 26. С. 127–151.

Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 640 с.

Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обычнородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 199–227.

Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие в Российской империи» // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 502–531.

Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.

- Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура»; СПб.: Ювента, 1995. 478 с.
- Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
- Томпсон, Ева М. Трубадури імперії: Російська література і колоніалізм. / Пер. з англ. М. Корчинської. К: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2006. 368 с.
- Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // Успенский Б.А. Избранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 83–123.
- Филюшкин А.И. Как Россия стала для Европы Азией // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С.10–48.
- Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 311–323.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Под общ. ред. К. Королева; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2007. 571, [5] с.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том I. Гештальт и действительность. Пер. с нем., вступительная статья и примеч. К.А. Свасьяна. М.: «Мысль», 1998. 663, (1) с.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том II Всемирно-исторические перспективы. Пер. с нем., вступительная статья и примеч. И.И. Маханькова. М.: «Мысль», 1998. 606, (1) с.
- Штейнер Е.С. Международная научная конференция «Ориентализм/Оксидентализм: языки культур и языки их описания» // Новое литературное обозрение. 2011. №109. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1923> (дата обращения – 08 марта 2018 г.).
- Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. №1. С.265–299.
- Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 59. С.108–109.
- Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // *Новое литературное обозрение*. 2001. №49. С.50–74.
- Orientalism: A Eurocentric Vision of the «Other» / Ed. by Seyed Javad Miri. L., 2013. 465 p.
- Orientalism and Empire in Russia / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington, 2006. 364 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. I: Abridgement of Volumes I-VI* by D.C. Somerwell. New York; Oxford: Oxford University Press, 1974. x, 618 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. 3*. New York; London; Toronto: Oxford University Press, 1934. 551 p.

- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. 4.* New York; London; Toronto: Oxford University Press, 1948. 656 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. 9.* New York; London; Toronto: Oxford University Press, 1963. 656 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Abridgement of Volumes I – VI* by D.C. Somervell. New York, 1987. 617 p.
- Said E.W. Orientalism Reconsidered // *Cultural Critique*. 1995. No. 1. P. 89–107.

REFERENCES

- Abashin S.N. Vostokovedy protiv orientalizma? [Orientalist Scholars against Orientalism], in: *Antropologicheskij forum*. 2014. № 20. P. 343–351 (in Russian).
- Alaev L.B. Orientalistika i orientalizm. Pochemu kniga Edvarda Saida ne imela uspekha v Rossii? [Oriental Studies and Orientalism. Why did not Said's Book Have a Success in Russia?], in: *Orientalizm vs. orientalistika: sb. statey*. Otv. red. i sost. V.O. Bobrovnikov, S.Dzh. Miri. Moscow: OOO «Sadra», 2016. P. 16–26 (in Russian).
- Ayupova D.I. Sintez Zapada i Vostoka v «Zapadno-vostochnom divane» Gete [The Synthesis of West and East in "West-East Divan" by Goethe], in: *Molodoy uchenyy*. 2014. № 7 (66). P. 621–622 (in Russian).
- Basin M. Rossiya mezhdru Evropoy i Aziiy: Ideologicheskoe konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva [Russia between Europe and Asia: ideological constructing of the geographical area], in: *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii / sost. P. Vert, P.S. Kobytov, A.I. Miller*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. P. 273–388 (in Russian).
- Bobrovnikov V. Novaya kniga Very Tol'ts: kommentariy vostokoveda [The new Book by Vera Tolz: Oriental scholar's commentary], in: *Ab Imperio*. 2011. № 3. P. 393–402 (in Russian).
- Borges X.L. *Pis'mena Boga* [The Letters of God] / sostavlenie, vstup. stat'ya i prim. I.M. Petrovskogo. Moscow: Respublika, 1992. 510 p. (in Russian).
- Varisko D.M. Vostok protiv Zapada, Aziya protiv Evropy: binarnost' orientalizma i «stolknoveniy tsivilizatsiy» [The East against the West, Asia against Europe: binary of Orientalism and "Clash of Civilization"], in: *Orientalizm vs. orientalistika: sb. statey / otv. red. i sost. V.O. Bobrovnikov, S. Dzh. Miri*. Moscow: OOO «Sadra», 2016. 440 p. (in Russian).
- Goethe J.W. *Zapadno-vostochnyy divan* [West-East Divan]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1988. 894 p. (in Russian).
- Govorunov A.V., Kuz'menko O.P. *Orientalizm I pravo govorit' za drugogo* [Orientalism and the Right "to Speak for Alien"]. 2014. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo> (accessed 08 March 2018) (in Russian).

Dolbilov M.O. O vygode imet' «Svoj sobstvennyj Vostok» [On the Profit of Possession of "Own East"], in: *Ab Imperio*. 2011. № 3. P. 374–384 (in Russian).

Zakharov V.A. Rossijskij orientalizm v interpretacii Lermontova i Saida [Russian orientalism in the Interpretation by Lermontov and Said], in: *Filosofskie nauki*. 2015. № 3. P. 47–70 (in Russian).

Ivanova V.V. Magicheskij Vostok – ocharovannyj Zapad: opyt istoriko-kul'turologicheskogo obzora [Magic East – Charmed West: an attempt of the historical-cultural review], in: *Vestnik SPbGU*. Ser. 13. 2009. Vyp. 4. P. 14–22 (in Russian).

Ishimbayeva G. Temy i obrazy Korana v «Zapadno-vostochnom divane» Gete [The Topics and Images of Quran in Goethe's "West-East Divan"], in: *Vatandash*. 2006. № 8. Available at: <http://vatandash.ru/index.php?article=288> (accessed 08 March 2018) (in Russian).

Conrady C.O. *Gete. Zhizn' i tvorchestvo*. T. 2. Itog zhizni. Per. s nem. / Obshhaja redakcija A. Gugnina [Goethe. Life and Work. Vol. 2. The Outcome of Life]. Moscow: Raduga, 1987. 648 p. (in Russian).

Konurbayev A.S. Muhammad logann Vol'fgang Gete [Muhammad Johann Wolfgang Goethe], in: *Musul'mane*. 2000. № 1 (4). Available at: URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/religion/360055> (accessed 08 March 2018) (in Russian).

Night N. O russkom orientalizme: otvet Adibu Halidu [On the Russian orientalism: response to Alib Halid], in: *Rossijskaja imperija v zarubezhnoj istoriografii* / sost. P. Vert, P.S. Kobytov, A.I. Miller Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. P. 324–344 (in Russian).

Neumann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej* / Per s angl. V.B. Litvinova i I.A. Pil'shnikova, predisl. A.I. Millera [Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004. 350 p. (in Russian).

Orientalizm/Oksidentalizm: jazyki kul'tur i jazyki ih opisaniya. Sb. statej. Sost. E.S. Shtejner [Orientalism/Oxidentalism: the languages of cultures and the languages of their description]. Moscow: Sovpadenie, 2012. 416 p. (in Russian).

Orientalizm vs. orientalistika: Sb. statej / otv. redaktor i sostavitel' V.O. Bobrovnikov, S.Dzh. Miri [Orientalism vs. Oriental Studies: collected works]. Moscow: OOO «Sadra», 2016. 440 p. (in Russian).

Panarin S.A. Jedvard Said: kniga sofizmov [Edward Said: the book of sophisms], in: *Istoricheskaja jekspertiza*. 2015. № 2. P. 78–105 (in Russian).

Pivovarov Ju.S. Nikolaj Danilevskij: v russkoj kul'ture i v mirovoj nauke [Nikolay Danilevsky: in the Russian culture and the world scholarship], in: *Mir Rossii*. 1992. Vol. 1. № 1. P. 163–216 (in Russian).

Runciman S. *Vostochnaja shizma. Vizantijskaja teokratija*. Per. s angl. [The Eastern Schism. Byzantine Theocracy]. Moscow: Nauka, 1998. 239 p. (in Russian).

Riber A. Menjajushhiesja koncepcii i konstrukcii frontira: sravnitel'no-istoricheskij podhod [Changing Concepts and Patterns of Frontier: comparative historical approach], in: *Novaja imperskaja istorija postsovetskogo prostranstva*. Pod red. I. Gerasimova, S. Glebova,

A. Kaplunovskogo, M. Mogil'ner, A. Semenova. Kazan': Centr issledovanij nacionalizma i imperii, 2004. P. 199–222 (in Russian).

Russkij «Drugoj»: obraz Rossii kak jelement evropejskoj identichnosti (Stenogramma diskussii v fonde «Liberal'naja missija» 23.10.2004) [Russian Other: the image of Russia as the element of European identity. Transcript of the discussion in the Fund "Liberal Mission". 23.10.2004], in: *Jetika obrazovanija. Vedomosti*. Tjumen', 2005. Vyp. 26. P. 127–151 (in Russian).

Said E.W. *Orientalism: Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: the Western concepts of "the East"]. St. Petersburg: Russkij Mir Publ., 2006. 640 p. (in Russian).

Sunderland V. Russkie prevrashhajutsja v jakutov? «Obynorodchivanie» i problemy ruskoj nacional'noj identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Do the Russians Turn into Yakuts? Indigenization and the Issues of Russian National Identity in the North of Siberia, 1870–1914], in: *Rossijskaja imperija v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let: Antologija*. Sost. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller. Moscow, 2005. P. 199–227 (in Russian).

Slocum J. Kto i kogda byli «inorodcami»? Jevoljucija kategorii «chuzhie v Rossijskoj imperii» [Who and When was Outlanders? The Evolution of Category "Aliens in the Russian Empire"], in: *Rossijskaja imperija v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let: Antologija*. Sost. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller. Moscow, 2005. P. 502–531 (in Russian).

Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii: Sb. statej [There, inside. Practices of Internal Colonization in the Cultural History of Russia: collected articles] / Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 960 p. (in Russian).

Toynbee A.J. *Civilizacija pered sudom istorii* [Civilization on Trial]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Kul'tura»; St. Petersburg: Juventa, 1995. 478 p. (in Russian).

Tolz V. «Sobstvennyj Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij i rannesovetskij period ["Russia's Own East": the policy of identity and Oriental studies in the late Imperial and early Soviet periods]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 332 p. (in Russian).

Tompson Eva M. Trubaduri imperii: Rosijs'ka literatura i kolonializm [Troubadours of Empire: Russian literature and colonialism] / Per. s angl. M. Korchins'koi. Kiev: Vid-vo Solomii Pavlichko «Osnovi», 2006. 368 p. (in Ukrainian).

Uspenskij B.A. Vosprijatie istorii v Drevnej Rusi i doktrina «Moskva – tretij Rim» [Perception of History in medieval Russia and the Doctrine "Moscow, the Third Rome"], in: Uspenskij B.A. Izbrannye trudy. Tom I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Moscow: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1996. P. 83–123 (in Russian).

Filjushkin A.I. Kak Rossija stala dlja Evropy Aziej [How did Russia become Asia for Europe], in: *Izobretenie imperii: jazyki i praktiki*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. P. 10–48 (in Russian).

- Halid A. Rossijskaja istorija i spor ob orientalizme [Russian History and Debate on Orientalism], in: *Rossijskaja imperija v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let: Antologija*. Sost. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller. Moscow, 2005. P. 311–323 (in Russian).
- Hantington S. *Stolknovenie civilizacij* [The Clash of Civilizations]. Pod obshh. red. K. Koroleva; Per. s angl. T. Velimeeva, Ju. Novikova. Moscow: AST, 2007. 571, [5] p. (in Russian).
- Spengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologi mirovoj istorii. Tom I. Geshtal't i dejstvitel'nost'* [The Decline of the West. The Essays on Morphology of the World History. Vol. 1. Gestalt and Reality]. Per. s nem., vstupitel'naja stat'ja i primech. K.A. Svas'jana. Moscow: Mysl', 1998. 663, (1) p. (in Russian).
- Spengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologi mirovoj istorii. Tom II Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of the West. The Essays on Morphology of the World History. Vol. 2. Perspectives of World History]. Per. s nem., vstupitel'naja stat'ja i primech. I.I. Mahan'kova. Moscow: Mysl', 1998. 606, (1) p. (in Russian).
- Schteiner E.S. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Orientalizm/Oksidentalizm: jazyki kul'tur i jazyki ih opisanija» [International Scientific Conference “Orientalism/Oxidantism: the languages of cultures and the languages of their description”], in: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 109. Available at: URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1923> (accessed 08 March 2018) (in Russian).
- Etkind A. Bremja britogo cheloveka, ili Vnutrennjaja kolonizacija Rossii [The Burden of a Shaved Man, or the Internal Colonization of Russia], in: *Ab Imperio*. 2002. № 1. P. 265–299 (in Russian).
- Etkind A. Russkaja literatura, XIX vek: Roman vnutrennej kolonizacii [Russian Literature, the 19th Century: the novel of internal colonization], in: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. № 59. P. 108–109 (in Russian).
- Etkind A. Fuko i tezis vnutrennej kolonizacii: Postkolonial'nyj vzgljad na sovetskoe proshloe [Foucault and Thesis of Internal Colonization. Post-Colonial View on the Soviet Past], in: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001. №49. P. 50–74 (in Russian).
- Orientalism: A Eurocentric Vision of the «Other»* / Ed. by Seyed Javad Miri. L., 2013. 465 p.
- Orientalism and Empire in Russia* / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington, 2006. 364 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. I: Abridgement of Volumes I-VI* by D.C. Somerwell. New York; Oxford: Oxford University Press, 1974. x, 618 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. 3*. New York; London; Toronto: Oxford University Press, 1934. 551 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. 4*. New York; London; Toronto: Oxford University Press, 1948. 656 p.
- Toynbee A.J. *A Study of History. Vol. 9*. New York; London; Toronto: Oxford University Press, 1963. 656 p.

Toynbee A.J. *A Study of History. Abridgement of Volumes I – VI* by D.C. Somervell. New York, 1987. 617 p.

Said E.W. Orientalism Reconsidered, in: *Cultural Critique*. 1995. No. 1. P. 89–107.